

**К**огда в детстве читаешь взахлеб Жюль Верна, Майн-Рида или Даниеля Дефо, вряд ли осознаешь, что за жадным интересом «что же дальше, чем же кончится» есть и другой интерес: накопление знаний о мире и человеке. Сюжет ведет, увлекает, захватывает, и не ощущаешь разницы между, скажем, Стивенсоном и какой-нибудь книжкой «про шпионов».

А когда-нибудь потом тебе попадается не детгизовское, а полное издание «Приключений Гулливера», видишь, что один из первых в мировой литературе приключенческо-фантастических романов несет в себе огромное философское и социальное содержание. И за необычными ситуациями того же Стивенсона вдруг отчетливо различаешь почти научное исследование зла как психической аномалии, как отклонения от нормы. И при имени Жюль Верна вспоминаешь не только благородного и таинственного капитана Немо или милого Паганеля, но и их гуманизм и тот океан научных фактов и сведений, которым окружены его герои и сюжеты. И десятки страниц, которые тратил Майн-Рид на описание экзотических мест действия своих романов, встают перед глазами. А уж о таком писателе, как Уэллс, и говорить не приходится: его социологические гипотезы оказываются интереснее самых невероятных фантастических сюжетов.

Социальные утопии и научные предсказания всегда были неотъемлемыми чертами жанра фантастики. Более того, они были его монополиями. Во времена Жюль Верна и даже Уэллса ученые еще не брали на себя смелость предсказывать пути развития науки и человечества: не хватало точных, конкретных знаний. А писатели могли восполнить этот недостаток фантазией.

Сейчас положение изменилось. Одна за другой фантастические гипотезы и теории обретают реальную, научную основу или просто материализуются на наших глазах в космические ракеты, в атомные электростанции и подводные лодки, в электронных переводчиков и шахматистов.

И поэтому постепенно меняется само существо жанра. Одни писатели продолжают заполнять страницы фантастических повестей и рассказов очередными описаниями научных и технических чудес. Другие пишут о приключениях мысли.

В результате с нашим старым и любимым знакомым — приключенческим романом — происходят интереснейшие метаморфозы. На его страницах можно встретить вот такую, например, фразу: «Рассуждая априори, жизнеспособный организм должен обязательно обладать... защитными приспособлениями, потому что нарушения сложнейшей молекулярной программы замены изнашивающихся клеток организма могли случаться не раз в течение индивидуальной жизни и, следовательно, квадрильоны раз в истории развития высших позвоночных животных...» — фразу, вполне уместную в специальной биологической статье и даже написанную тяжеловатым «научным языком».

Через несколько страниц можно познакомиться с мыслью уже из другой отрасли науки — из социологии: «Сомнение в хороших качествах человека породило неверие в его силы и способности, а неверие это привело к тягостному пессимизму, опасению, что человек не выдержит бешеного темпа цивилизации и сорвется в пропасть...» — мыслью интересной, спорной и опять-таки необычной в приключенческом романе.

А еще через несколько страниц натыкаешься на такой вот эпизод: «Чезаре, пытавшийся поднять раненых женщин и весь залитый их кровью, яростным ударом сбил с ног второго бандита и наклонился над Даярамом, не замечая, что третий, пожилой и ранее не замеченный в своей темной одежде, занес над ним длинное, адской остроты шило. Мгновение, и шило вошло бы под лопатку итальянца, пронзив сердце, но на подмогу уже бежала Леа со своим тяжелым автоматическим пистолетом...» Оказывается, это все-таки самый настоящий приключенческий роман, хотя его и можно местами принять за научный труд по медицине или социологии. Называется он «Лезвие бритвы»<sup>1</sup>, и написал его Иван Ефремов — один из тех писателей, чьи книги меняют содержание жанра. При всей своей поистине гигантской эрудиции он не популяризатор. Он творец, ученый, его романы и рассказы — это как бы продолжение его научной деятельности.

## Два романа в одном

Итак, «Лезвие бритвы». Стремительно мчится сюжет, с кинематографической быстротой меняются места действия. Поволжье, Москва, Ленинград, Рим, Мадрас, Дели, Кейптаун — из Европы в Азию, из Азии в Африку... Легендарная корона Александра Македонского, международный шпионаж, охотники за алмазами, похищение индийской танцовщицы, стычки, схватки, обыски, поиски таинственных кристаллов.

И вперемешку со всем этим — лекции. О происхождении ревности. Об объективном идеале красоты. О памяти тысяч поколений, укрытой в подсознании человека. И мимоходом, скользя, брошенные в легком разговорном стиле, вот такие, например: «Распространение разных рок-н-роллов, мамбо и так далее в Европе — это закономерность, результат роста городского населения и числа молодежи, не занятой активной деятельностью. Поэтому и такие танцы — явление почти социальное», — мысли не только интересные сами по себе, но и заставляющие тебя самого думать дальше, открывающие новые точки зрения. Мысли, благодаря которым приключенческий роман становится подлинно интеллектуальным. (Это качество — интеллектуальность — порой путают с эрудированностью, которую обнаруживает автор или его персонажи. Эрудированность Ефремова огромна, но факты и научные сведения для него не самоцель, а почва для развития мысли, гипотезы, теории.)

А действие тем временем перебрасывается из страны в страну, с континента на континент. Возникают новые и новые сюжетные линии, появляются незнакомые персонажи и без предисловий включаются в действие.

Но, странное дело, чем острее становятся ситуации, чем большие опасности угрожают героям, тем безразличнее становится читателю, удастся ли художнику Чезаре Пирелли спастись от преследований международного шпиона Дергази, кому достанется корона Александра Македонского, в которую вставлены таинственные камни, лишаящие человека памяти, и освободит ли индийский скульптор Рамамурти свою возлюбленную из рук кинодельцов. Вероятно, это происходит потому, что и сам автор как будто теряет интерес к приключениям своих героев: все сюжетные линии стремительно и как-то наспех завершаются на последних четырех страницах.

Но интерес не исчезает — он переключается на подлинных героев этого романа, постепенно выступающих на первый план. Эти герои — человек и наука. Их судьбы, взятые во времени и развитии, освещенные эрудицией ученого и интеллектом мыслителя, более драматичны и захватывают сильнее, чем похождения индийских танцовщиц и итальянских красавиц. Это тоже новая черта жанра: читая приключенческую классику, отдавали положенную дань так называемому «познавательному элементу», но интересовались все-таки больше всего сюжетом.

А в «Лезвии бритвы» не так. Рассказы о человеке, о человечестве, о его трудном и прекрасном пути из каменного века в век атома и космоса, о могучем, заложенном в него природой стремлении к физическому и духовному совершенству — самое интересное и волнующее в романе. Приключенческому роману всегда был необходим герой, которому полностью и безраздельно отдана любовь читателя, которому сочувствуют, за которого волнуются, даже отлично зная, что по законам жанра он обязательно должен восторжествовать. В «Лезвии бритвы» таким героем становится прежде всего Человек, стремящийся к знанию.

Но ограничиться только этим значило бы превратить приключенческий роман в философский — жанр требует конкретного героя. И, конечно, в таком романе он должен чем-то существенным отличаться от своих литературных предшественников. Так оно и есть. В ученом Иване Гирине мы находим все, что положено герою приключенческого романа: мужество, человечность, душевное благородство. Но главное в нем — интеллектуальность; самая большая его сила и самое мощное оружие — мысль.

Мысли Гирина рождаются у нас на глазах из конкретных и, казалось бы, незначительных наблюдений и фактов. Вот в зоопарке спутница Гирина, Сима, замечает, что у разных животных разное выражение глаз, — и интеллект ученого моментально схватывает мысль, развывает ее и приходит к идее сравнительного анализа психических процессов животных.

От факта к мысли, от мысли к гипотезе, от гипотезы к теории — это путь ученого. В «Лезвии бритвы» этим путем ведет своего героя писатель, расширяя общепринятые, до банальности известные понятия, доводя до подлинной философской глубины диалектику природы и человека. Еще и сегодня человек несет в себе тяжелый груз заблуждений, пережитков, ошибок, отклонений от нормы, отклонений тем более частых, что норма, золотая середина — это и есть, по Ефремову, то самое лезвие бритвы, что стоит в заглавии романа. Она очень трудно достижима, эта норма, это равновесие между физическим и духовным, между целесообразностью и тонченностью, между всеми диалектическими противоречиями, движущими вперёд природу, человека и общество. Достичь ее помогает знание, наука. Она объясняет человеку его самого. Она становится оружием Гирин. Не только средством познания. Но и оружием в борьбе.

Особенно ценно в романе Ефремова то, что борьба эта ведется на Земле и во имя земных целей. Дело в том, что слишком уж часто в современной фантастике ареной приключений и подвигов становятся космос, далекие планеты. Писатели изобретают космические корабли, сверхмощные источники энергии, хитроумных роботов, обильно оснащают всем этим своих героев и отсылают их куда-нибудь за десяток-другой световых лет,

<sup>1</sup> «Нева», 1963 год, №№ 8—9.



# ЛЮБОпытныя Мысли

словно на Земле нельзя найти приложение тем могучим силам, которые дает человеку наука, словно решены уже все земные проблемы и самая главная из них — социальное и индивидуальное бытие человека, — и великие свершения возможны лишь в межзвездных просторах.

Гирин, живущий на Земле и занимающийся исключительно земными делами, убедительно доказывает обратное. Можно даже изъять из его биографии все экзотические приключения, в которых он участвует, его труд не станет менее захватывающим, менее романтичным. Приключения мысли не становятся менее увлекательными оттого, что происходят они не в соседней галактике, а на художественной выставке, в лекционном зале или лаборатории.

Ефремов пишет о науке, обращенной в сегодняшний день, к сегодняшнему человеку, науке действенной, сражающейся, изменяющей мир и человека.

Она становится вторым главным героем романа. (У «Лезвия бритвы» есть подзаголовок — «Роман приключений»; вернее было бы написать «Роман приключений мысли».) Обнаруживается связь между различными ее отраслями: физиология переходит в эстетику, философию, психологию, палеонтологию. Открывается социальное значение научных достижений. И все освещается и объединяется наукой наук — материалистической диалектикой, единственным средством, дающим возможность найти ту узкую, подобную лезвию бритвы, дорогу духовного самовоспитания, которая ведет в будущее.

Такая насыщенность приключенческого романа научными проблемами может показаться чрезмерной. Да и сам автор в предисловии предупреждает о «лекционной» форме изложения. Читатель, привыкший, что приключенческий роман — это обязательно что-то вроде «Медной пугавицы» или «Петровки, 38», наткнувшись на лекции Гирин, будет, пожалуй, озадачен и, может быть, с возмущением отложит журнал, решив, что его обманули, подсунили что-то умное вместо ожидаемого «легкого» чтения. Он еще есть, этот читатель, и было бы смешно не признавать его существование. Он и в «Лезвии бритвы» может натренированным чутьем ухватить сюжет, автоматически пропуская все для него неинтересное.

Разумеется, можно лишь пожалеть такого охотника за сюжетами. Для него будет потеряно самое главное в книге, самое захватывающее: красота мысли, процесс ее рождения, развития, обогащения опытом и обобщения.

Ну а другому читателю, тому, на которого, собственно, и рассчитан роман, тому, который давно уже увидел в Ефремово мудрого и знающего собеседника, проводника на ведущих в будущее дорогах современной науки, приключения экзотических, но в общем-то картонных персонажей, могут, пожалуй, показаться малоинтересными по сравнению с приключенческими мыслями. Этот читатель не отложит журнал, дочитает до конца, узнает все, что хочет сказать ему писатель. Но ощущение потерянного на сюжет времени все же останется.

И возникает вопрос: а стоило ли давать книге два адреса?

Стоило ли маскировать острые мысли приманкой приключений? Ведь те, кого только эти приманка и интересуют, вполне могут проглотить ее, не заинтересовавшись главным. Конечно, не все: кто-то, наверное, заинтересуется, для кого-то «Лезвие бритвы» может стать первой книгой, воспринятой серьезно. Но будет ли это достаточной компенсацией за потерянную цельность романа? Сейчас разделение на то, о чем писателю важно рассказать, и то, чем он рассчитывает увлечь читателя, ощущается весьма отчетливо.

## Единство возможно

Но, может быть, это недостаток не романа, а жанра? Ведь и у Жюль Верна есть лекции, и в десятках современных приключенческих и фантастических книг «научная» и «сюжетная» части существуют рядом, почти не соприкасаясь и тем более не сливаясь. Роль сюжета в приключенческом жанре известна: в острых ситуациях проявляются характеры героев.

Тем не менее единство возможно. Доказательство этому — книги самого Ефремова, в которых есть эта цельность, единство событий и проблем, поступков и размышлений; он сам доказал, что приключенческий роман может быть интеллектуальным, научным, проблемным, не распадаясь внутренне. Роман «На краю Ойкумены» тоже можно назвать приключенческим, а между тем проблема, которую ставит в этой книге писатель — становление эстетического идеала, — в чем-то перекликается с проблематикой «Лезвия бритвы». Но решается она непосредственно в сюжете. Приключения героя, эллинистического скульптора Пандиона, если можно так выразиться, содержательны: они формируют его духовный мир и понимание прекрасного. И в известной «Туманности Андромеды» события определяют решение проблем будущего коммунистического общества.

А в «Лезвии бритвы» события и размышления или разобщены, или связаны чересчур прямолинейно. Вот пример. Мысли Гирин, наблюдающего за Симой, которой он только что предложил стать его женой: «Стремление к таинственности и загадочности... вызвано ожиданием глубины, необыкновенности, разнообразия. Если же за первым впечатлением открывается мелкая, как блюдце, душа, то это вызывает моментальную реакцию разочарования, то есть устойчивое торможение...» Здесь научный взгляд на мир, научный анализ и терминология уже мешают: слишком неподходящий момент. Можно понять человека, теряющего в момент высшего эмоционального взлета контроль разума над чувствами. Понять же Гирин, призывающего к яркой, глубокой, наполненной, эмоциональной жизни и остающегося холодным аналитиком своих чувств в самый момент их возникновения, значительно труднее. Красота мысли переходит в сухость, точность анализа не столько радует, сколько огорчает.

Растворение научной и философской проблематики в образной ткани произведения — проблема не только приключенческо-фантастического жанра. Но здесь она стоит наиболее остро, потому что случаи удачного ее решения еще очень редки, потому что еще низок чисто литературный уровень большинства произведений. Ефремова в этом не упрекнешь. Причина рационализма «Лезвия бритвы» кроется, вероятно, в злободневности проблем романа: писателю необходимо было говорить о них напрямую, и художник отступил на второй план перед философом, социологом, публицистом.

Вероятно, помешало и то, что Гирин — это не столько литературный герой, сколько рупор автора, полномочный его представитель. Он рассказывает, объясняет, комментирует, читает лекции, и рассказ о человеке при всей своей увлекательности становится слишком обобщенным. Роману явно не хватает живого человека, не комментирующего проблемы, а участвующего в их решении. Именно здесь проходит путь к цельности, именно живой человек необходим научному роману о человеке.

Убеждаешься в этом, читая «Солярис» Станислава Лема.

Это фантастический роман, но его можно считать и приключенческим. Его основную мысль Лем формулирует так: «Среди звезд нас ждет Неизвестное». А раньше неизвестное ждало людей в джунглях Африки или на неоткрытых архипелагах. Неизвестное у Лема еще и непостижимо: это качественно иная цивилизация, гигантский океан-мозг, покрывающий далекую планету Солярис. Сюжет — поиски контакта с этим сверхфантастическим существом, поиски многолетние, безуспешные и односторонние: океан никак не реагирует на попытки людей.

Потом на исследовательской станции Соляриса появляются непонятные существа. Постепенно выясняется, что созданы они океаном, а рецепт создания непонятным образом извлечен из сознания ученых станции: это их материализованные мечты, воспоминания, переживания.

Переживания героев в этих ситуациях можно в самом буквальном смысле назвать нечеловеческими. Но именно в этих переживаниях и ситуациях рождается тема романа — величие человека. Это величие проявляется в героях романа: пройдя через нечеловеческие испытания, они все-таки остаются на этой планете. Остаются потому, что впервые за десятилетия появилась надежда на осуществление контакта. Надежда на знание, на постижение истины — вечный и могучий источник движения вперед. Остаются, готовые к новым, может быть, еще более ужасным испытаниям. Так раскрывается тема и одновременно завершается сюжет романа. Отделить одно от другого невозможно, как невозможно сформулировать тему, не пересказав, хотя бы предельно упрощенно, сюжет. А говоря о «Лезвии бритвы», к сожалению, возможно изложить все научные и философские проблемы произведения, ни словом не упомянув о действии романа. Но у Ефремова это хоть компенсируется в какой-то степени важностью и интересностью самих проблем. А вот когда читаешь в очередном фантастическом рассказе длиннейшие популярные лекции по электронике или кибернетике или подробнейшие описания техники будущего, становится просто скучно, потому что все это не более чем научно-технический антураж для стандартных сюжетных схем приключенческого романа.

Самыми захватывающими приключениями все чаще становятся приключения мысли. Именно этот вывод делаешь, пытаясь разобраться в достоинствах и недостатках нового романа Ивана Ефремова, именно этих приключений ищешь — и часто не находишь — во многих сегодняшних приключенческо-фантастических романах и рассказах даже за самыми острыми и сногсшибательными сюжетами.

Фантазия писателей долгое время шла рука об руку с фантазией ученых — естествоиспытателей и социологов, — а иногда и опережала ее. Те, кто пытается делать это сегодня, обречены на популяризаторство: фотонная ракета в современном романе менее фантастична, чем «Наутилус» у Жюль Верна. Остается другой путь, тот, что намечается в творчестве Ефремова и Лема: осмысление накопленного наукой богатства, взаимодействия, взаимовлияния науки и человека, создающего ее, изменяющего себя и мир с ее помощью.